
Алексей КОЛЕСНИКОВ

РАССКАЗЫ

БЕЗОСНОВАТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Старый друг, с вечно сырым от влюбленностей сердцем, признался своей матери, учителю математики с двадцатилетним стажем:

— Я люблю ее и, наверно, женюсь.

Взглянув на сына, как на нуль в знаменателе, она ответила:

— Не уверена.

— Почему?

— А какое у тебя основание?

— Основание?

— Основание ее любить у тебя какое?

«Ключицы», — хотел ответить мой друг, но не решился. Учительница и не ждала ответа: черкала красным в тетради под кособоким словом «решение».

Спустя один семестр мой друг любил другую девушку и имел на то совсем другое основание: невероятно стройные ноги.

Пересекать тридцатилетний рубеж рискованно одному. Выбрав место под кондиционером, я озабочен выбором. Притаившись за жэзээловской биографией Сент-Экзюпери, я обещаю себе прекратить этот антинаучный эксперимент. «В последний раз», — напоминаю я себе, чтобы не убежать. Чтобы до результата остаться.

— Подсказать книгу? — с дежурной улыбкой спрашивает тень с бейджилом «Катерина» у вошедшей львицы (так мне ее хочется назвать).

— Нет, — отвечает львица, швыряет за спину косу и направляется в глубь торгового зала. Мне, с моей комплекцией, в четком соответствии с «Метафизикой половой любви» Шопенгауэра, нравятся долговязые девушки, но крутые затылки и мускулистые ноги, опять же, по Шопенгауэру, меня раздражают. Не то чтобы меня восхищали ноги-карандашики, но ноги-маркеры — это противно. Впрочем, у львицы чистое лицо с алыми пятнами на щеках — признак веселого нрава. Я подхожу ближе и различаю надпись на корешке заинтересовавшей ее книги: «Ревизор». В ужасе я вглядываюсь в девушку — школьница! Обыкновенный переросток, что-то вроде импортных яблок. Прав классик: деток так разносит от парового отопления и высококалорийной пищи, а потому уже в четырнадцать они должны бороться за место на рынке труда или хотя бы за увеличение численности народонаселения отечества.

Небрежно пролистывая «Подростка», я вспоминаю, что на исходе весна, а значит, скоро ЕГЭ, вот школьники и тянутся за классикой.

Львица находит самого дешевого Гоголя, Лермонтова, Тургенева и Толстого; уходит к кассе, забыв Достоевского и Шолохова. Впрочем, на минимальный балл хватит и выбранных мужиков.

Алексей Юрьевич Колесников родился в 1993 году в п. Ракитное Белгородской области. Образование — высшее юридическое. Публиковался в журналах «Новый берег», «Вопросы литературы». Живет в Белгороде.

Застрав у полки «Распродажа», я верчу в руках собрание сочинений Пруста. Все равно, ведь опять выдохнусь на третьей-пятой странице. Но каков же соблазн иметь основание, быть может, единожды в жизни сказать: «Ну да, это как у Пруста!..»

А как у Пруста? Никак. Как есть конфету с оберткой.

— Извините, а у вас есть карта?

Обернувшись на голос, я вижу рыжую девушку в гекльберри-финновских джинсах и такой же шляпе. Впрочем, у нее молочные руки и весенние глаза. Ухоженная.

— Какая карта?

— Скидочная.

Знобит от ее улыбки — в чем дело? Вглядываюсь, как любопытная старуха. В чем подстава? Ловлю искры мимики.

— Есть. Но она у меня жадная. Всего пять процентов. Что у вас за книга?

Она вертит в руках то, что называется «бизнес-литература». «Как, не работая, заработать на тех, кто работает, в надежде никогда не работать» или вроде того. И я понимаю! Догадываюсь, от чего и любопытно, и противно одновременно! Вот в чем ложь улыбки! Она тухлая, скотская, паршивая, и это уже не лечится.

— Натe, — не глядя жертвую я карту, возвращаясь к Прусту.

Бизнес-литература. Подумать только... И не стыдятся они эту дрянь покупать.

— Распачусь и принесу, — она улыбается мне с зубами.

Уходит, потом возвращает карту, благодарит и спрашивает, кивая на Пруста.

— Интересно?

Опомнившись, я отбрасываю книгу, забираю карту, проверяю в кармане кошелек и, мямля, отхожу в сторону то боком, то спиной. Она машет мне на прощание:

— До свидания.

«Пока, пока, — думаю. — Надо тебя запомнить, чтобы не ошибиться впредь».

До шести часов в книжном пролетария не встретишь. Толкаются старички в слишком жарких для этой весны свитерах; перепуганные папаша, требующие что-нибудь для детей, Маршака например. Студентов практически нет. Им не до книг. Девушка-полицейский, похожая на циркового мишку, купила сборник Бодлера — видимо, для подарка... Нет уж... патрульно-постовая служба гарантирует варикоз и сардонический взгляд на действительность.

— Девушка, простите, где здесь поэзия Серебряного века? — обращаюсь я к стройной спине, обтянутой косухой с шипами.

— Не знаю. Но найдем. Так. Где тут... Как вы сказали?

Ой! Около пятидесяти! Под косухой детская футболка, заправленная в легкомысленные штанишки, на ногах красные кеды, в ушах сережки со змейкой. Воспаленные раздутые губы с пунцовой каемочкой блестят, как нос низкорослого памятника. И еще фарфоровые зубы Шелкунчика. Я не решусь целовать женщину, у которой такие зубы. Я боюсь, что у нее окажутся резиновая кожа и нитки вместо волос.

В руках Эрих Мария Ремарк. Да... Каждый бьется со старостью по-своему.

— Спасибо. Не беспокойтесь. Я сам найду.

Ухожу, несмотря на ее попытки отыскать тень с бейджилом «Катерина», чтобы та помогла ей помочь мне.

Я скучающий персонаж николаевской эпохи, я устал, как чевенгурцы, мне совестно, как жалкому Гане Достоевского. За окном миграция машин на север — к развязке; женщины с пакетами, мужчины без. Мужья, которым доверено покупать продукты, имеют автомобиль, поэтому их руки свободы от ручной клади. Идут, размахивая этими руками, как крыльями. Те мужчины, которым нельзя доверить потребительскую

функцию, автомобилей не имеют. Они носят свои руки в карманах и вынимают их только для того, чтобы швырнуть окурки в обезглавленную урну.

Полленькая, но милая и оригинально одетая девушка долго вертела в руках новую книгу писателя Б. Цена все-таки смутила, и она понесла к кассе «Улитку на склоне» Стругацких. Пускай идет. Ее любимый Б. при помощи литературы породил целую секту. Его сектанты послушны, но без Б. их не существует. Так кудрявый вундеркинд, разлученный с родителями, вдруг начинает капризничать. Требуется сладенького и черкает уравнения, отказываясь находить корень. Обратись я к ней — и вечер потерян. Сбиваясь на собственные банальные предположения о векторах развития литературы, бедняжка станет пересказывать все, что узнала из лекций Б. Не обнаружив во мне заинтересованности, она исчезнет, решив, что я холоден к литературе, а значит, мертв.

Гибкая девчонка лет тридцати, не сомневаясь, взяла с полки две книги П. Я люблю ее красивыми руками. Она заметила меня. Позволила себя рассмотреть. Заговорить с ней я не осмелился. П. научил ее, что мир делится на «своих» и «чужих», но это не так. Мир делится иначе: на тех, кто читает книги П., и на тех, кто любит самого П. Девушка с красивыми руками явно книг П. не читала и... в общем, пусть идет с миром. Почитает, а потом попробуем.

Блондинка лет двадцати с детективом в руках провоцировала меня взглядом, она даже улыбнулась мне. «Черт с ним, с детективом. Все в конечном счете развлечение. Ну, читает она эти детективы, и что, собственно? Я тоже три или четыре прочитал. Я подарю ей Фолкнера и расскажу, как его правильно читать». Деревянный парень в белой рубашке подходит к блондинке с тыла. Он хватает ее за шею и душит понарошку. Она смеется и показывает обложку детектива. Хорошо им без меня и без Фолкнера. Ладно, живите.

Я измотан, мне не нравится моя идея, я собираюсь уйти или попросить брюнетку, облаченную во все черное, пойти со мной к могилам. Почитаем вместе раннего Е. Я расскажу ей, что Е., быть может, самый трогательный современный писатель. Бедняжка думает, что он прежде всего «прикольный ужастик». Ей нравится хтонь, запах мха, исходящий от его книг. И сам он, двухметровый олимпийский бог, о котором забыли придумать миф. Я не могу с ним соревноваться. Слишком я крошечный и хилый, как восковая свечка. Нет, пусть скачет на своих стилах без меня — сдаюсь я. Сдаюсь!

Уже ухожу, но вот она, принцесса незаконнорожденная. Какие многообещающие очки! На ней лакированная куртка, темные джинсы и кеды с ягодками. Она решительно подходит к современной прозе, нагибается, демонстрируя голую спину, отыскивает книгу писателя А., читает с обложки, согласно с собой кивает и направляется к кассам. Вот то, что мне нужно! Стройная филологиня в кедах с А. под мышкой.

А. из Петербурга, но, кажется, из какого-то американского Петербурга. Так прятать стиль, как А., никто не умеет. Он завораживает мнимой простотой многослойной конструкции, в которую страшно совать пальцы. Жалко только, что все это скучно. Но не длинно хотя бы. Сразу нужно было встать рядом с его книгами и ждать. Как я сразу не сообразил?! Эта духота меня доконает.

— Здравствуйтесь. Знаете, это отличная книга. Берите не думая. Я недавно пролежал с ангиной неделю, настроение было паршивое, и вот она позволила мне... в общем, интересно: она только на меня так подействовала или... а как вас зовут?

Когда же я перестану бояться. Это ведь всего лишь человек. Такой же, быть может, одинокий. С пупком, с мозолями на пятках.

Улыбнувшись, она определяет книгу под мышку, протягивает ладонь, как мужчина, и говорит исцарапанным, большим голосом:

— Алла.

— Как? — не расслышал я. — Извините... у вас ангина? Вот совпадение, видимо, за этой книгой приходят больные, в смысле... как? Алла?

Усмехнувшись, она махнула рукой.

— Знаете, у вас, наверное, температура... может, вас проводить до дома тогда? Вечер уже. Мало ли что.

Она кивком приглашает меня к кассе. Чувствуя холод взмокшими подмышками, я плетусь следом, послушный.

Из-за ангины ей тяжело говорить. Мы прогуливаемся по пустеющему к ночи городу; я рассказываю о своей безумной мечте: собрать любимые книги, выбрать по одному предложению из каждой и составить рассказ на трикстерский сюжет. Идеальный интертекст. Автор только монтажер.

Она идет рядом и сама сует ладошку в мой рукав, когда мы переходим дорогу или обгоняем медленных, как проза Германа Гесса, старух.

Я прошу ее показать какое-нибудь видео, где она говорит или поет, — очень хочется услышать голос. Она машет рукой так, точно это самая глупая просьба на свете.

В недорогой кафешке возле театра я пошутил:

— Зря мы вино заказали. Нужно было водочки, чтобы твое горло согреть!

Она улыбается и машет рукой, мол: «Можно, а что такого?»

Какая она непосредственная, как просто с ней! Поразительное качество для девушки: уметь не пытаться нравиться.

Выпив по рюмочке водки и закусив соленым сыром, я предлагаю закрепить успех брудершафтом, а вино пусть стоит на посошок.

Она соглашается, выражая согласие игрой пальчиков.

Несмотря на весну, ночи еще холодные. Кажется, алкоголь только теперь, у этой дорожной развязки, подействовал на нее по-настоящему. Алла ушла вперед; что-то воет (романс, что ли?) и беспрестанно фоткается, выпрямляя лапку.

Я иду быстро, чтобы не отстать. Разболелась голова, и хочется холодной минералки с газом. Что с ней случилось? Куда девался шарм?

Оказывается, Алла живет в районе рынка «Спутник». Автобусы туда ходят редко, да и не в том я возрасте, чтобы провожать девушку до дома на автобусе. На такси, однако, денег нет. Ну, ничего, пойдем потихоньку.

— Алла, подожди. Красный сигнал светофора! Слепела? Раньше ты была немая, а теперь ослепла.

И оглохла, кажется.

От усталости я разнервничался и закричал на нее. Я просил не выходить на дорогу и не шататься. Она ведь не очень пьяная, а просто противно, как капризный ребенок, дурачится. Пристала к каким-то парням в олимпийках. Им показалось вначале, что Алла дурочка. Ведь она рожи корчила, а потом начала стучать им кулаком в живот. Пресс проверила. Я улыбался, стоял в стороне, как идиот. Парни сначала недоумевали, а потом позвали ее с собой; обещали вызвать такси. Она (стерва!) подумала, а потом все же подошла ко мне. До сих пор стыдно, но я возгордился, как кретин.

— И как тебе с ней? — спросил один.

Я растерялся, а Алла вытянула свою ручонку и продемонстрировала средний палец. К счастью, все закончилось ничем. Повезло мне.

Идти еще долго, около тридцати минут. Алла прохрипела:

— У меня дома чай есть хороший и наливка.

— Ты одна дома? — спросил я.

— Да. Но нужно пива взять. Наливки мало.

Выбрав из горы посуды неглубокую мисочку с грибочками, я спросил:

— Подойдет?

Алла отвечает рукой, мол: «Пойдет, сполосни только».

Я мою миску, собираю с поверхности кипящей кастрюли в нее пельмени. Алла была в туалете и с кем-то там ругалась по телефону. Явившись на кухню в длинной футболке, с голыми ногами, она указала на холодильник. Я открыл дверцу и нашел пакет с майонезом.

Чувствуя, как весь, от пяток до ушей, промерзаю, стоя на холодном полу балкона, я подумываю о том, как бы поскорей трахнуть это невнимательное существо. Алла пьет пиво на кухне и смотрит «Диснеевские истории». Как она нашла их в час ночи?

— Алла, может, хватит этого пива? Не хочется на улицу.

Она жмурится. Потом картинно обижается и, поняв, что никуда я не денусь, опять возвращается к телевизору.

Выбросив окурок, я пересчитываю оставшиеся деньги, примечаю магазин (красная крыша), выхожу с балкона и подхожу к Алле.

— Слушай, удивительно мы познакомились, да? Я и не заметил, как вечер прошел. Это волшебство какое-то, да?

Я касаюсь губами ее щеки — она вытирает ее о плечо. Я трогаю ее шею, глажу волосы, нахожу губами мочку уха. Алла вскакивает с дивана, больно толкает меня в живот, показывает глазами на пустой пивной бокал, а потом на дверь. Я ухожу в магазин.

Хрипят мехи ее легких, мокрые губы кричат в телефон проклятия. Уже пять минут я пытаюсь успокоить Аллу, следуя за ней по комнатам с пакетом, в котором колышет полторашка пива.

Она не слышит меня из-за собственного крика; ревет в трубку:

— Ты, значит, хороший, а я плохая, да? Ты все для меня делаешь, а я не ценю, так? Очень интересно. О-очень! Козел ты, вот ты кто! А ты знаешь, что у меня мужик тут? Да, с улицы привела, сидим, винишко пьем, понял? Да что захочу, то и будут делать, козел...

Тайно я надеюсь, что ее ярость выльется в ненависть, которую я погашу своей холодностью. Я сажусь на диван перед телевизором и пью пиво. Я понимаю, что из жадности она прекратит выяснение отношений. Да... знал бы я, что она ТАК разговаривает...

— Помнишь, я тебе говорила тогда... помнишь, что говорила? Вот тогда, когда на природу ездили, когда Вадик руку шампуром проколол, помнишь? Вот я тогда это говорила потому, что мне, блин, обидно было, а так, вообще-то, я такое не думаю, понял? Просто, блин, хочется, чтобы все как у людей, нормально чтобы...

— Пиво заканчивается, — сообщаю я и действительно разливаю последнее.

Она деловито прощается со своим абонентом и присаживается рядом.

— Так, короче, слушай. Ну, типа, клево посидели, и все такое. Только если ты там, блин, что-то придумал, то это... короче, распридумывай, понял. Ты человек хороший, и мы можем дружить, но, короче, могу постелить на полу, если хочешь. А вообще, мне завтра рано вставать, и горло опять разболелось, буду гной плевать под кровать всю ночь, наверное.

Я давно все понял и уже в коридоре вяжу шнурки. Болит голова, завтра в офис к восьми. Почему-то чудовищно пахнет потом футболка.

— Аллочка, милая, ты меня слышишь?

— Что? — спрашивает она, вновь теряя голос. Пришлепала в коридор босыми ногами — надо же!

- А ты книжку не потеряла ту, которую купила?
- Нет. А что?
- А ты еще какие-то книги этого автора читала?
- Я? Нет, конечно, я в подарок преподавательнице купила.

Первая искренняя, неудержимая эмоция вытекает из меня, как лава из вулкана. Я смеюсь. Смеюсь, как сумасшедшие злодеи в фильмах. Так легко становится. Будто выстирал и просушил внутренности.

- Чего ты? Что с тобой? Синька-дрянь? Головка бо-бо?

Я машу рукой, мол: «Не обращай внимания, нервы». Кто же мог догадаться, что так получится? Нужно было в библиотеку идти, а еще лучше в клуб.

— Пока, Алла, замечательный был вечер, — говорю я, прикрываю дверь и только в темном подъезде успокаиваюсь. Смешная история, и только. Целую вечность брести домой по ночному городу. Ладно, ничего. Дойдешь. Дойдешь, глупый дяденька.

Я вернулся уже из лифта и позвонил в дверь. Алла открыла, держа плечиком телефон. Она припечатала палец к губам, мол, «тихо». А потом повела бровью, мол, «говори».

- А сколько лет твоей преподавательнице? — шепотом спросил я.
- Пятьдесят семь, — одними губами ответила Алла.

Я зажмурил оба глаза, поднял вверх сжатый кулак, коротко поклонился и ушел в свое одиночество искать бесосновательную любовь.

ДИССИДЕНТ

Жизнь в рассеянном свете! и по неделям
ничего во рту, кроме бычка и пива...

И. Бродский

Покупая водку, для прикрытия конечно, я вспоминаю то наше счастье в августе, Лилит. Помещенный в очереди между разутым мужчиной в широких брюках со стрелками и кудрявой теткой, кладущей порой от усталости горячую голову мне на плечо, я уношусь в ту летнюю ночь... Помнишь ли ты ее, моя Лилит?

У маленького пруда, уже затянутого ряской, мы жадно ждали темноты и болтали о детстве. Ты рассказала о побеге из дома в семилетнем возрасте, а я о том, как меня не нарочно бабка заперла в погребе один на один с лягушкой, которую, впрочем, не было видно. Только рокот ее растягивающегося зоба и мерные шлепки ее прыжков, то рядом с туфлями, то где-то в углу под помидорами.

Потом, помнишь ли, Лилит, мы купили сладкого вина и распили его в парке на куче листьев, закусывая булкой. Бутылку приходилось прятать за пазуху, и только изумрудное горлышко, как кукушкин птенец, показывалось за воротником и липло к кадью, оставляя кровавые поцелуи. Помнишь, как ты ревновала меня, указывая на эти следы? Так искренне, так нежно... ты даже потом расшибла опустевшую бутылку о ступеньки бетонной лестницы, ведущей к черному изваянию с крестом — памятнику князю Владимиру, внимательно следящему свысока за городом. Как-то незаметно мы там оказались...

Потом мы купили еще одну (красного сладкого) и пошли к тебе, в твою, Лилит, съемную комнатку, занятую огромной кроватью — крейсером, обтянутым алой материей... Ты уснула тогда раньше, а я все лежал на боку и смотрел через приоткрытое окно с голубой шторкой на густой бесцеремонный дождь, слившийся в десять-пятнад-

цать потоков. Господи боже, какая тогда была ночь! Последняя ночь с теплой луной! Утром поднялся ветер, и дождь, новый дождь, редкий, хлесткий, холодный, вторгся в город.

Ах, помнишь ли ты все это, моя Лилит? Где ты теперь и с кем?

— Одну бутылку? — презрительно спрашивает продавщица, рассматривая мои руки.

— Ну одну. А сколько нужно?!

— Сегодня все по две берут.

— Давайте две! — соглашаюсь я, чувствуя спиной, как недовольны мною в очереди все эти люди.

— Что на закуску? — спрашивает продавщица.

Да, ведь я совсем забыл о закуске! Как я мог?! «Погиб! Погиб!» — запрыгало в голове.

— Берите огурцы в листьях хрена, — советует продавщица.

— И колбаски, — подсказывают сзади.

— Давайте! — глотая нежеванное волнение, соглашаюсь я.

— Что давать: огурцы или колбасу?

— И то, и то, пожалуйста.

Это были последние деньги, Лилит, но зато я иду домой: вниз, через переход, потом шестьдесят четыре шага к монастырю, и вот он, мой двор. Открываю дверь подъезда, пробкой от шампанского влетаю на пятый этаж, отпираю дверь ключом, захожу, не зажигая свет, запираюсь — все. Купленных продуктов хватит на два дня, плюс колбаса и огурцы — их тоже можно есть, Лилит. Они ведь забыли, наверное, что еда превращается в закуску только тогда, когда откупорена водка и стаканы выставлены на стол.

Сегодня что-то изменилось, Лилит. Мое сердце чувствует нечто новое: каждый пятый удар выходит болезненным, а каждый седьмой я не слышу.

Утром по улицам ездил полицейская машина, из которой в громкоговоритель орал вдохновенный молодчик. Он требовал оставаться дома и как можно больше пить! Лилит, если так пойдет дальше, то водка польется из крана. Ты же знаешь, Лилит, что я не интересуюсь новостями, но сегодня соседи слева несколько раз прослушали вот такое великолепное сообщение:

Мэр города обратился к горожанам с просьбой оставаться дома и пить. Он напомнил о мерах, которые будут применяться к нарушителям режима. Административные меры: штраф, арест до пятнадцати суток и (или) принудительное лечение. Уголовные меры: лишение права заниматься профессиональной деятельностью, лишение свободы сроком от одного года до трех или выдворение за пределы города. Мэр подчеркнул, что в сложившейся ситуации, в условиях режима чрезвычайного положения, введенного с понедельника, народ должен сплотиться, забыв о любых противоречиях и распрях. «Оставайтесь дома, дорогие мои. Будьте здоровы! Держитесь» — такими наставлениями закончил свое обращение мэр.

Лилит, они говорят о сплочении, но с кем я могу сплотиться? Ты же знаешь: коллективное чудовище страшит меня пуще потоп.

Сегодня, ясное дело, совершенно пьяная старуха поинтересовалась, схватив меня за рукав:

— Знаешь, как меня дразнили в детстве?

До сих пор, Лилит, я не знаю, как себя с ними вести. Не бежать же со всех ног, в самом деле!

— Как? — спросил я ее.

— Немытая! — сказал старуха и рассмеялась. — А знаешь почему?

— Почему? — чуть не плача, спросил ее я.

— А потому, что смуглая сильно! — ответила она, а потом нашупала край свитера и продемонстрировала землестый живот, напоминающий своими неровностями вскопанную грядку.

Она так шутила, Лилит. Она хотела, чтобы мне было смешно, и я засмеялся. Иначе она бы заподозрила меня в том, что я трезвый. Расставив руки, как петух крылья, я прочистил глотку и стал хохотать, краснея и надуваясь, как в петле повешенный.

Лилит, я не выдержу этого! Ведь должны быть такие же неустроенные люди, как я. Где-то, в глухих квартирах, они встречаются тайно и, боже ты мой, свободно говорят, делятся мнениями. Конечно, такие люди есть, ведь не будь их — не было бы и арестов...

Утром ко мне позвонили в дверь. Я подумал, что это конец, что это они пришли за мной. Что все эти недели они знали о моей космической трезвости и лишь выжидали, когда освободится подходящая камера в изоляторе. Я отпер дверь и едва узнал в лиловом лице с порезами от бритвы соседа Иннокентия.

— Похмели, сосед, — попросил он. — В долг похмели. Сегодня я, а завтра ты.

— Конечно, — сказал я, вынул дежурную бутылку, налил рюмочку и протянул Иннокентию.

— А ты?

Я не понял сначала от волнения сути вопроса, растерялся, как мальчик, но Иннокентий вовремя уточнил:

— Похмелился уже, что ли? Ну ты даешь! Я в такую рань еще дремлю. Сегодня вот гимн разбудил.

Выпив, он мгновенно повеселел и предложил сходить в магазин. Я отказался, соврав, что люблю выпивать один.

Даже воздух пропитался спиртом. Облака перегоняют испарения в самогон. Так любимый прежде дождь я отныне возненавидел.

Они вычислят меня, Лилит, и тогда я пропал. Я совершенно не терплю насилия. Я буду кричать, отбиваться и плакать, если почувствую угрозу боли. Человек не должен терпеть боль, даже самый заядлый преступник. Но преступник ли я, Лилит?!

Лилит, я вижу мужчину, идущего через улицу. На нем майка, заправленная в брюки, и кепка козырьком назад. Он поет. Он, конечно же, пьян.

За стеной поют под гитару. И ночью пели.

По телевизору, с тех пор как началась эта чехарда, показывают только три фильма: «Особенности национальной охоты», «Особенности национальной рыбалки» и «Особенности национальной рыбалки в зимний период». Это невыносимо, Лилит.

Город затянут смогом — там и тут жарят мясо. Моя одежда отдает жидкостью для разжигания костров. Они это называют «розжиг». Умаявшись в духоте, я открыл свои широкие окна и, кажется, чуть опьянел, но это ничего. Это мне алиби.

Вчера, Лилит, вывалившийся из-за университета патруль не тронул меня — так ловко я изображал пьяного. Я очень боюсь полицейских, особенно почему-то страшат их сдвинутые на затылок шапки. Сколько еще они будут носить зимнюю форму? Почему нет приказа переодеться? Полагаю, в пьяном угаре начальство забыло о таких мелочах.

Лилит, под моими окнами пьяные дети. Девочка, в джинсовой куртке с бутончиками роз на спине, прочитала стихотворение:

Налей, подруга, на прощанье рюмку —
Причалил к пристани мой пароход.

Я странный пассажир без сумки.
Я пыль. Меня несет — куда несет.

Знаешь, Лилит, я все чаще подумываю об эмиграции. А что? Ведь должно быть на свете место, где выпивка — это частное дело каждого. Где индивидуальная свобода не подчинена распоряжениям проспиртованного правительства; где трезвость — это не преступление, а право. Лилит, я мог бы оттуда похлопотать о тебе, но где ты теперь, моя Лилит?

Под окном драка.

— Я не то имел в виду! — кричит совсем юный парень.

— То! То ты имел в виду, — кричат все вокруг.

Его бьют по лысой голове и смеются. Невдалеке курит девушка в белом плаще и смотрит в мои окна. Зачем она на меня смотрит?!

Лилит, в подъезде шумно. Думаю, это подростки распивают пиво. Как хорошо, что не придется проходить мимо них, изображая пьяного старика. Да, Лилит, старика, ибо...

В дверь стучат, Лилит! Погиб! В дверь стучат, и, кажется, ногами.

— Открывай! — кричат. — Открывай, крыса.

Подойдя к двери, я припадаю ухом к замку, не смея заглянуть в запотевший глазок. Я ничего не слышу, но чувствую кислый запах лука и, конечно, водки.

— Открывай, — кричат из подъезда и лупят в дверь сапогами. — Мы знаем, что ты трезвый. Мы знаем все про тебя! Ребята, ломай дверь. Давай! Раз (УДАР!). Два (УДАР!). Три (УДАР! УДАР!).

Нет! Да! Прощай, моя Лилит. Семь шагов до раскрытого окна, а за ним вечность. Я умру трезвым. Прощай, Лилит!

Мужчина, прячущий гладкий череп за перьями длинных седых волос, растянутых от уха до уха, разбегается, работая руками, вскакивает на подоконник и замирает. Стоит в раскрытом окне.

Его одежда (серые брюки, желтая рубашка под коричневой жилеткой и черный галстук) дрожит от потоков холодного ветра. За окном шум техники. Слышны восторженные крики людей. Аплодисменты.

Седой мужчина в окне видит пожарную машину, которую встречают счастливые люди, выстроившиеся вдоль дороги. Молодой пожарный разворачивает тяжелый шланг, рывком переключает вентиль и направляет мощную струю прозрачной жидкости в толпу. Люди бросаются на струю жидкости, падают и весело кричат. Они начинают петь одну на всех песню. Пожарный машет свободной рукой, приветствуя собравшихся. Звучит пожарная сирена.

Человек в окне оборачивается на дверь — она практически отошла. Еще два-три удара — и рухнет в коридор на туфли. Мужчина вновь смотрит в сторону улицы, но видит лишь направленный поток жидкости — прозрачный дракон, вытянувший шею до пятого этажа.

Удар!

Мужчина обрушивается на пол. Через выломанную дверь в квартиру вваливаются несколько человек в черных бушлатах. Мужчина пытается встать, но жаркая, горькая и бойкая энергия разливается по его телу. «Водка», — понимает мужчина, подносит дрожащую руку ко рту и выжимает рукав, стараясь не проронить ни капли.

Теряя сознание, он шепчет: «Так нужно, Лилит. Я потом тебе все объясню. Обязательно объясню. Мы встретимся, мы обязательно встретимся, если настанет еще один день».

ИВАНОВ

У сцены было не больше сотни зрителей. Главную песню пели хором. В баре «Иоганн» всегда, даже когда не проводили концертов, пахло потом. И якобы немецкое пиво они явно разводили. Туалеты мыли раз в неделю. Размороженное мясо, оказавшееся лишним, не прятали в холодильник. Если протухало — выбрасывали.

— Отлично играют твои пацаны, — сказал бармен.

— Да. Они молодцы сегодня, — ответил Иванов.

— Народ хором поет, значит, нравится музон.

— Да. Только мало их очень.

— Вначале всегда так. Сразу никто не становится известным. Этот стакан за счет заведения.

— Спасибо, — сказал Иванов. — Мало людей. Здесь сейчас человек шестьдесят, наверное, да?

— Нет, — сказал бармен. — Около ста. Все немецкое выпили. Только «Венское» осталось и «Пикур».

Иванов кивнул солисту — тот в ответ показал большой палец. Так хорошо пацаны никогда не играли. У Иванова пекло сердце. Волнение неясной природы. Он гордился собой и жалел себя одновременно.

Перед последней песней, сняв футболку, чтобы собрать со лба пот, солист сказал, что все тексты к песням пишет Иванов и что он, Иванов, скелет их коллектива. Так и было.

— Вон он, напивается на баре, — сказал солист, указывая грифом гитары на Иванова.

Навстречу взорвавшемуся воплю толпы Иванов поднял пивной бокал. Люди фотографировали Иванова. Иванов думал о том, что все это лишь эмоции. Люди не любят его поодиночке. Только толпой.

— Ты звезда, — сказал бармен.

— Ерунда. Пятьдесят человек — это не успех.

— Их около ста. Хочешь еще пива?

— За счет заведения?

— Ну да.

— Хорошо. Налей еще один и приготовь хот-дог. Я оплачу его.

— Хорошо, — сказал бармен и, нагибаясь под стойку за стаканом, добавил: — На кого ты учился?

Иванов вопрос не услышал, потому что слипшаяся в многоголовое существо толпа опять завопила. Люди пели ударные строчки из припева, топая ногами. Иванов смотрел на вздернутые руки, переполненные кровью у локтей. Не сосчитать — так много рук.

Бармен ушел в кладовку, не дождавшись ответа.

После концерта Иванов не пошел с пацанами из группы. Он напомнил, что ему на работу, и пацаны в самом деле огорчились. Концерт был отличным. Такие следует отмечать всем коллективом.

— Если не уснешь — приходи. Мы пойдем выпивать на школьный стадион.

— Возле пятой школы?

— Чего спрашиваешь? Все равно не придешь.

— Мне на работу.

— Возле тринадцатой школы. На «Пролетарской».

— Если не усну, то приду, — сказал Иванов, понимая, что, конечно же, не придет.

Был конец сентября. Безлюдный парк разъяснился только у реки благодаря университетским фонарям. Из рта шел пар, но было не очень холодно. Иванов даже не стал застегивать рубашку. Казалось, что уже скоро утро, но на самом деле была едва полночь. С дороги ревели музыка из проезжающих машин. Иванов шел вдоль реки. От нее тянуло, как от морозилки.

Под мостом Иванов остановился, потому что увидел голого парня — своего ровесника. Не пугаясь Иванова, он вышел из речки, ударами сшиб с себя воду и стал одеваться. У него были длинные черные волосы и исцарапанная спина. Свет фонарей отражался в реке, поэтому место под мостом хорошо просматривалось. Никогда прежде Иванов не видел, чтобы здесь купались. Речка грязная, даже лягушки не воют.

— Не холодно? — спросил Иванов.

Парень повел плечами, ничего не ответив.

— Что с твоей спиной? Тебя избили?

Парень кивнул, надевая черный вязаный свитер. Царапины на его спине казались свежими. Он улыбался так, как улыбаются взрослые, когда отвечают на серьезные детские вопросы.

— Пойдем ко мне, обогреешься. Я живу недалеко. Возле монастыря, который за университетом.

— Возле монастыря? — усмехнулся парень.

— Пойдешь? — спросил Иванов.

Иванов увидел, что кожа на шее парня серого цвета, а на ногах и вовсе синего. Он натягивал черные джинсы, подпрыгивая на мускулистой ноге. Иванов отметил, что незнакомец не дрожит. Ему как будто не холодно.

— Ты не был сейчас в «Иоганне» на концерте? — спросил Иванов.

— Был, — ответил парень. — Там исполняли твои песни.

— Как тебе?

— Там была одна хорошая.

— Какая именно?

— Я не помню. Но одна была.

Незнакомец оделся и подошел к Иванову. Он спрятал руки за спину. У него были гладкие и румяные щеки.

Оказавшись близко, Иванов почувствовал, что от незнакомца пахнет конфетами. «Должно пахнуть тинной», — подумал Иванов.

Незнакомец убрал со лба волосы и встал ближе. У него были толстые губы. Горячие и твердые, как узнал Иванов, когда почувствовал их прикосновение к своей щеке.

— Ты что? — сказал Иванов, отступая.

Незнакомец ничего не ответил. Он пошел в сторону парка. В темноту моста, будто в его карман. Пораженный этим поцелуем, Иванов увидел все произошедшее как бы со стороны. Поцелуй двух молодых мужчин, темноволосого и блондина. Темноволосый нагнулся и коснулся губами щеки блондина, держа за спиной руки. А блондин испугался и отступил назад. Как в немом кино.

В ту ночь Иванов долго не мог уснуть. Вертелся у края сна. Искал холодный кусок простыни. Мысли были непоследовательными. Гора газетных обрывков.

Иванов не был голубым. Ему казалось, что незнакомец тоже. «Зачем этот поцелуй? После странных поцелуев случается распятие». Иванов думал до рассвета.

Утром Иванов, как всегда, принял душ, съел три яйца вкрутую, выпил кофе и отправился на работу. У подъезда его облаяла собака. Иванов изловчился и пнул ее по морде ботинком. Собачья челюсть цокнула. Больше собака не лаяла. Она лишь рычала на Иванова, роняя слюни.

Иванов немного опоздал, поэтому пришлось объясняться перед руководителем:

- Извините, провозился долго утром.
- Я понимаю. Понедельник, — сказал руководитель.
- Я сегодня пришлю таблицу по клиентам за сентябрь.
- Пришли, пожалуйста.
- Вчера было тепло, а сегодня стужа, как зимой, — сказал Иванов.
- Вчера тоже было холодно, — сказал руководитель.
- Нет. Я вчера гулял вечером. Тепло было.
- У меня угловая квартира, поэтому выдувает тепло. Дети очень замерзли вчера.

Плакали.

- Скоро дадут отопление, — сказал Иванов.
- Надеюсь. Пришлешь сегодня таблицу с сентябрьскими клиентами?
- Да.
- Хорошо. Иди работай.

Иванов увлекся работой, как чужими про себя письмами, а после обеда заскучал. Он сбросил темп, стал позволять себе отвлеченные занятия. К трем часам устал. Работать больше не хотелось.

Пробовал сочинять, но стихи не получались. До пяти часов он сидел без дела. За окном шел мелкий дождь. Кто-то включил кондиционер на тепло.

Руководитель похвалил Иванова за таблицу, которую получил еще до обеда, и спросил, когда Иванов отгуляет оставшуюся неделю отпуска. Иванов ответил не сразу. Несколько секунд он размышлял.

- Я решил уволиться, — сказал он.
- Вот как. С какого числа?
- Сегодня.
- Почему? Устал?
- Немного.
- Может, ты подумаешь?
- Весь день сегодня думал, — сказал Иванов.
- Да... — протянул руководитель.

Потом руководитель намекал Иванову на возможность получить дополнительную оплачиваемую неделю отпуска, но Иванов все же написал заявление. В свою съемную квартиру он вернулся вечером безработным. В магазине он выбрал немецкое дорогое сладкое вино.

Все имеющиеся деньги Иванов разделил на две части. Первую спрятал в книжку, а вторую пустил на формирование запасов. Накупил крупы, воды, консервов, немного алкоголя, хлебцев, соли, сахара, сушеных фруктов, мяса, рыбы, масла, овощей и сушеных специй.

Вечером он явился на репетицию. Пацаны удивились, потому что на репетиции Иванов не любил приходить. Тексты он отправлял по Интернету и просил его позвать, когда уже песня готова. Часто ему не нравился результат, и он предлагал что-то исправить, но пацаны говорили, что уже поздно и нужно было раньше. Иванов настаивал, например, на том, что вступление слишком затянуто, или на том, что нельзя орать припев. Пацаны иногда сдавались и переписывали, а иногда нет.

- Привет, — сказал кто-то. — Мы не думали, что ты придешь.
- Теперь у меня много свободного времени, — сказал Иванов. — Я уволился с работы. Я буду теперь только писать песни.

Все засмеялись, кроме Иванова. Смех ворвался в барабан гитары, и та загудела, будто ожила.

— А на что ты жить будешь?

— Говорят, что художник должен быть голодным.

— А как писать на голодную голову?

— Я буду питаться два раза в день. Я все посчитал. Смогу прожить год на запасах. За этот год наша группа станет популярной, и никому после этого работать не придется. Я вам советую бросить свои работы и полностью сосредоточиться на творчестве.

— У меня дети, — сказал барабанщик.

— У меня ипотека, — сказал солист.

Остальные промолчали. Иванов остался на репетиции и давал много советов. Все немало повздорили, но вечером пошли вместе в бар, чтобы выпить.

— Правда, что ты теперь не работаешь? — спросил бармен.

— Да. Теперь я буду занят только группой. Только текстами песен, — ответил Иванов.

— Тебе, наверное, очень страшно?

— Немного. Угостишь меня одним бокалом пива за счет бара? Тебе ведь нравилась та моя песня?

— О твоей девушке? О той, с которой вы разбежались в прошлом году?

— Да, в день моего двадцатипятилетия. На юбилей.

— Мне нравится эта песня, поэтому вот тебе бокал пива не за счет бара, а за мой счет.

— Вот так и должен жить художник. Он дарит людям свое творение, а люди платят ему тем, чем могут заплатить. Пока сочиняет — голодный. Когда сочинил — его накормит народ.

— Мне кажется, что голодным не должен быть никто, — сказал бармен. — От голодного желудка в голове уму тесно.

— Работа пожирает все силы, — сказал Иванов. — Ты не понимаешь. Я не могу находиться среди обывателей. Они питаются моей энергией и именно поэтому так прекрасно выглядят.

— Тебе лучше знать, — сказал бармен.

В полночь барабанщик уехал домой на последнем автобусе, а бас-гитарист укрылся в туалете. Иванов много пил, но силы его не оставляли. Удивительно ясной была голова. Бармен сказал Иванову:

— Скажу так: художник не должен быть голодным. Никто не должен быть голодным, но и работать он тоже не должен. Какой-то парадокс.

Иванову казалось, что бармен говорит глупости. Он не стал ему ничего отвечать. Борьба с глупостями должны ученые, а не художники.

Проснувшись утром, Иванов долго не вставал с постели. Впереди был свободный день для самого себя. Из открытого по недосмотру окна тянуло сыростью. Иванов подумал, что нужно обязательно прогуляться в парке, чтобы насладиться первым слоем осенних листьев у ног.

Потом он встал, позавтракал пшенной кашей на молоке с маслом и сахаром. Вымылся в ванной, а не под душем, как обычно. Почитал книгу, очень сложную и большую, а потом стирал одежду, слушая музыку. К вечеру он отправился в парк на прогулку, а ночью уселся за стихи. В ту ночь он написал неплохое стихотворение, которое отредактировал утром, сразу после завтрака. В обед он отправил его пацанам, а вечером получил лестные отзывы. Предлагал встретиться на репетиции, но пацаны репетицию отменили: у барабанщика заболел сынок. Будут гланды удалять. Иванов сам, как мог, придумал незатейливую мелодию для новых стихов и отправил пацанам. Им понравилось, только бас-гитарист сказал, что нужно в третьем куплете сменить тональность, а еще лучше спеть без гитары, только под барабанный ритм. Барабанщик написал, что это чепуха и еще то, что операция назначена на следующее утро.

В магазин Иванов ходил редко. Только за самым необходимым. Ему часто хотелось выпить, но экономия заставила отказаться от каждодневного пьянства. Сигареты тоже пришлось бросить. Оказываясь в гостях, он много ел и пил. Под конец вечера пел под гитару новые и старые песни. Играл он плохо, но пел энергично, поэтому многим нравилось.

Как-то, уже в конце осени, он был приглашен на день рождения к девушке-студентке, с парнем которой Иванов прежде работал. Гостей было немного. Говорили о ерунде. Иванов скучал, поедая салаты и запивая их вином. Ближе к ночи румяная девушка, не то в длинном свитере, не то в коротком платье, сказала Иванову:

— Ты правда бросил работу и бездельничаешь?

Ее, оказывается, тоже звали Иванова. У нее были круглое лицо и черные густые брови над бегающими глазами.

— Я пишу песни. Полностью погружен в творчество, — ответил Иванов.

— Тебе нравится так жить?

— Очень. У меня полно времени. Хватает сил, чтобы все обдумать. Самое главное — это то, что теперь я совсем не спешу. Делаю все осознанно.

— Ты даун-шифтер, — сказала Иванова.

Гости, даже самые пьяные, притихли. Они слушали разговор и иногда встревали с комментариями. Курить стали в комнате, не выходя на холодный балкон. Окурки тушили в надтреснутой рюмочке.

— Нет. Даун-шифтеры — это лентяи, которые решили меньше потреблять в надежде, что так достигнут большего счастья. Я потреблять готов. — Демонстрируя готовность, Иванов манерно съел кусок сливочного торта. Он паясничал, пытаясь рассмешить собравшихся. Кто-то засмеялся. Иванова — нет. Она старалась говорить только тогда, когда молчали остальные.

— Просто я не хочу отдавать силы, занятые у вдохновения, работе, — сказал Иванов.

— Твои песни стали лучше?

— Могу сыграть. Вернее, я даже обязан сыграть, ведь это теперь мое главное занятие, верно?

Он сыграл одну песню.

— Хорошая песня, — сказала одна девушка. — А можешь «Батарейку»?

— Я плохо играю.

— Ты хорошо играешь. Исполни, пожалуйста.

Иванов согласился. Потом по просьбам он сыграл несколько песен «Агаты Кристи», «Би-2», «Сплин», «Короля и шута», «Арии», «Кино» и Земфиры.

— Где ты живешь? — спросила Иванова.

— Возле монастыря, — ответил Иванов, шнуруя кеды.

— А я возле «Славянского».

— Рядом, — сказал Иванов.

Они немного постояли в коридоре, а потом Иванов уехал один. Вернее, он ушел пешком, потому что идти было недалеко. Дома у него была бутылка самогона, подаренная бас-гитаристом, и банка тунца. Приглашать девушку на этот пир он постеснялся, но потом они много переписывались.

Как-то зимой, напившись вместе с пацанами после репетиции, Иванов пригласил Иванову погулять, но она сказала, что спякотно.

«Можем сходить в кино», — писала она.

«Я уже не могу сегодня», — ответил Иванов, потому что не имел денег на кино.

Зимой, особенно снежной, Иванов перешел на одноразовое питание. В гости ходил редко, потому что все куда-то пропали. На репетиции его не звали. Солист написал как-то:

«Старик, ты нам мешаешь сыгрываться. Давай приходи, когда все будет готово. Пиши лучше тексты».

Иванов писал очень много, но теперь почему-то не хотел редактировать. Пацаны указывали ему на сырость стихов, но исправлять их не было желания. Иванов искал новую форму.

На Новый год он открыл банку консервированных персиков, купленных еще тогда, в начале осени, зажег свечу и выкурил сигарету. У него была бутылка водки. Интернет он уже давно не оплачивал. Развлечений без Интернета практически не было. Только книги. Он читал Гёте сам себе вслух.

Весной Иванов играл в переходе, но денег это почти не приносило. На все деньги он покупал гречку и курицу. Обычно запасов хватало на три дня. Попадая в гости, он теперь ел скромно — берег желудок. От алкоголя пришлось отказаться напрочь — лучше вообще не пить, чем пить редко. Иванов любил кофе. Его запах будил воображение.

Пацаны советовали устроиться на работу, но Иванов показывал целую тетрадку стихов, написанных за зиму, и напоминал, что летом у них первый за всю историю тур. Пацаны были согласны, что тур получился благодаря новым, часто очень удачным текстам Иванова.

В невероятно жаркий день, в День Победы, хозяйка выгнала Иванова из квартиры с полицией. Он не платил три месяца. Вещи: одежду, тарелки, одеяло, подушку и всякую мелочь — Иванов перевез к бас-гитаристу. Переночевал у него на полу одну ночь и ушел скитаться по друзьям.

Теперь он объявлялся на пороге у очередного друга и спрашивал:

- Песню новую сыграть?
- Опять ты? Ну проходи.
- Сколько у тебя можно пожить?
- Три дня.
- Это очень много. Мне хватит два.

В каждой квартире Иванов старался задержаться минимум на пять дней и съезжал к выходным, в поисках нового пристанища. Так он забрел к той девушке, к Ивановой.

Было лето. Иванов скитался по городу в обрезанных джинсах и клетчатой рубашке. Походил на Буратино. Иванова не пустила его, потому что вышла за это время замуж. На ней был халат с лилиями.

- Кто твой муж? — спросил Иванов.
- Врач.
- Что лечит?
- Терапевт.
- Кажется, у меня гастрит. Может, он глянет?
- Найди работу и питайся нормально, — сказала Иванова.
- Нет, — сказал Иванов.

К осени он обосновался в подвале своего бывшего дома. Утром он ходил на церковную службу, чтобы потом с разрешения казака просить милостыню у монастырских ворот. Все свои вещи он давно распродал и теперь бродил по городу лишь с тетрадкой, в которую записывал стихи. Он их относил на листочке пацанам, брал у них деньги и выслушивал новости. Тур отложили по разным причинам. Обещали, что он все равно состоится, но, скорее всего, зимой.

Исхудавший, в каких-то язвах, небритый и пахнущий рыбой, Иванов говорил:

- Да я не доживу до зимы, наверное.
- Так найди работу! — говорили пацаны.

— Нет, — говорил Иванов. — Я должен писать песни, а не работать. Ведь лучше стало получаться, да?

— В последнее время хуже.

— Это я в темноте писал, вот и хуже. Завтра лучше напишу.

Пацаны сказали, что нет. Не напишет уже он ничего путного.

В конце августа Иванов лежал на траве, чуть пьяный, загорелый и тощий. Загорал под последним солнцем. Река уже зарастала тиной. Прохожие отводили глаза. Иванов смотрел на небо и иногда что-то записывал в тетрадку. К нему подошли двое парней лет двадцати.

— Чего ты тут развалился? — спросил один из них.

— Загораю, — сказал Иванов.

— Ты людей пугаешь. Пошел вон!

— Нет, — сказал Иванов.

— Побить тебя, что ли?

Иванов стал собираться, но тут второй, который молчал, ударил Иванова по ребрам. Когда болит, лучше не дышать. Иванов не кричал, чтобы не пришли полицейские. С ними не объяснишься.

Парни избili его не сильно, но этого хватило. Отбежав за панельные дома, Иванов заплакал.

Вечером Иванов умывался в реке, в том же месте, где был избит до заката. Кусались последние комары. Пели сверчки. Хотелось есть и выпить. У Иванова было немного денег.

— Избили? — спросил голос из-за спины.

Иванов обернулся и увидел того парня, который прошлой осенью поцеловал его в щеку.

— Да, — сказал Иванов. — Злые люди.

— У тебя лопнула бровь, — сказал парень и провел пальцами по лицу Иванова. — Кровь, — сказал он и показал палец.

— Течет и течет, — пожаловался Иванов.

— Пойдем, я тебя накормлю, — сказал парень.

— Да. Сейчас. — Иванов быстро оделся, завязал шнурки и пошел вслед за парнем. На ходу он спросил: — А как тебя зовут?

— Тщеславие, — сказал парень и улыбнулся.

Иванов все понял, но предпочел изобразить недоумение:

— Ты, наверное, молдаванин? — спросил Иванов.

— Можно и так сказать, — сказал парень. — Сейчас я тебя накормлю так, что лопнешь.

— Хорошо бы, — сказал Иванов.

Поднялся ветер, и пролился на город первый осенний дождь.

ОТЕЦ И ДЕТИ

Ирине показалось, что палец отвалился вместе с кусочком сыра. Она сначала испугалась, а уже потом почувствовала боль. Подушечка безымянного пальца левой руки нагрелась и прослезилась кровью. Некоторое время Ирина наблюдала свою дрожащую руку, а потом вскрикнула и развернулась к раковине.

— Идите жрать! — крикнула она и устыдилась внезапно прорвавшейся свирепости, когда из крана потекла горячая, а не холодная вода. Пока готовила, накопила обиду.

Она тут томится, как пломбир, а они там бездельничают, хотя, в общем-то, так бывает всегда и никто в этом не виноват. Просто усталость.

— Ну идите, а то остынет, — Ирина мягче, сдержаннее, позвала мужа и сына, намазывая на палец край халата.

Игорь уселся за стол, убавил громкость телевизора (какой-то фильм про вампиров) и закатал рукава рубашки.

— Куда это ты рубашку надел? — спросила Ирина.

— Порезалась, что ли? Сильно? Покажи.

— Ерунда. Пучку срезала чуть и все. Так куда нарядился, спрашиваю?

На кухню вошел Славик в новой куртке, подцепил вилкой со сковороды самый маленький кусочек кровяной колбасы и, обжигаясь, принялся есть.

— Вот кто у нас нарядился, — сказал Игорь. — На гульки собрался, да?

— Куртку не обляпай! Сядь за стол. Стоя едят только кони, — сказала Ирина.

— Есть не буду, — сказал Славик. — Пойду гулять.

— А кому я разготавливала весь вечер?

— Поел уже, — хватая воздух раскрытым ртом, сказал Славик, сполоснул руки и ушел в коридор. Оттуда крикнул:

— Я, короче, к Сереге.

— Домой?

— Ага.

— Чтобы в одиннадцать дома был!

— С чего это?

— С того, что подросткам нельзя без родителей ночью шляться.

— Мне шестнадцать!

— А подростком ты считаешься до восемнадцати, дорогой, — сказала Ирина.

— Ну посмотрим.

— Чего ты молчишь? — спросила Ирина, когда Славик ушел. — У него шапка сигаретами воняет. Ты с ним говорил?

— Поговорю. А компотик есть?

— В холодильнике. Сам ты куда намылился?

Игорь дунул в стакан, наполнил его из банки компотом. Он уронил пару абрикосин в стакан и тихо выругался, когда зазвонил телефон.

— Да, — ответил он на вызов.

Ирина увидела, как лицо Игоря изменилось: губы вытянулись, брови опали на глаза, а лоб сморщился. Глянув на Ирину, он ушел в ванную. Вернулся спустя минуту и сказал:

— Пойду к Валику за шприцом.

— За каким шприцем?

— За строительным! Говорил же.

— А звонил кто?

Игорь ответил после некоторой паузы:

— Коллектор.

— Мы же вчера заплатили.

Игорь молчал. Ирина предложила:

— Ты доешь сначала.

— Да ладно, — сказал Игорь и ушел в коридор. — Я быстро, Ир. Пойду уже, а то как у человека просить на ночь глядя. Пойду, пока не стемнело.

Ирина, так и не начав есть, сидела над тарелкой и смотрела в одну сторону — на комара, кружащегося вокруг висящего над мойкой календаря с чистокровным сенбернаром.

На следующий день Игорь сидел в своей «копейке» и курил. Снег остался только в тени. Мокрый асфальт отражал солнце. Автомобили двигались проворнее. Некото-

рые девушки уже сменили пуховики на плащи или легкие пальто. Встречались школьники без шапок. Самое начало весны. Она и небо перекрасила, и сердце подсластила.

Игорь выбросил окурок в приоткрытое окошко, глотнул воды из бутылки и заметил наконец-то Ольгу. Осматриваясь, она шла от памятника Ленину к стоянке таксистов. Он и раньше ее, конечно, встречал, но все мельком, не так, чтобы нос к носу. За прошедшие восемнадцать лет им не пришлось поздороваться, не то чтобы поговорить. Замечая ее, например, на автобусной остановке, Игорь думал: «Может, подвезти?» Но всякий раз понимал, что лучше не надо. Он даже не рассмотрел ее ни разу. Узнавал по фигуре, да и все.

Теперь же, понимая, что не только придется поздороваться, поговорить, но еще и вспомнить о самом между ними главном, он заставил себя ее изучить как следует. Лицо не изменилось. Те же широко расставленные глаза, такие же щеки алые, только вот брови стали тоньше. Выщипывает, наверно. Дутая куртка до сапожек скрывает фигуру. Походка другая: Ольга ступала основательно, будто зачем-то старалась оставить мокрый след от обуви на просохшей плитке площади.

Игорь высунулся из машины и поманил Ольгу рукой. Она быстро засемила к машине. Улыбка была той самой. Именно она тогда так понравилась Игорю. В ней были задорность и заведомое согласие с любыми обстоятельствами. Хоть с дождем, хоть с землетрясением. Ольга была веселой. Никогда не обижалась ни на что, не жаловалась. Обо всех проблемах, что серьезных, что пустяковых, сообщала без трагических вздохов.

Она заняла пассажирское сиденье и сказала:

— Привет.

— Здравствуй, — сказал Игорь.

— Не отпускали с работы. Ты давно ждешь?

— Да нет. Ерунда. Ты там же? На пекарне?

— Там же. Где ж еще?

От Ольги пахло свежим хлебом и автобусом. Игорю было неловко. Смотреть на кiosk неудобно, так же как и неудобно рассматривать женщину, растрившую все это время в одиночку сына, которого он, Игорь, один раз встретил у школьного крыльца, когда пришел к классной руководительнице насчет Славки года четыре назад.

Ольга стала рассказывать о своей беде. Вначале она бодрилась, даже посмеивалась, но под конец совсем растревожилась и сдавленно заплакала.

Вася (она назвала их сына так в честь деда) в этом году поступил в университет платно. Ольга договорилась, и его определили в общежитие. Там в комнате зимой холодно, и сначала думали, что обычная простуда, но потом высыпали какие-то красные прыщи. Врачи говорили, что аллергия, и лечили как от аллергии, но потом Вася стал терять сознание и на экзамене по истории даже свалился под стол. Ольга взяла отпуск за свой счет и месяц моталась по областным врачам, а те только разводили руками. Наконец молодой терапевт, индус из Третьей городской больницы, установил, что у Васи острый лейкоз.

— Сессию всю пропустил из-за этих больниц, — сказала Ольга. Она хватала воздух ртом, точно алый шарфик под курткой душил ее. — Уже месяц в областной. Они говорят, что может впасть в кому, и тогда вообще непонятно... — закрыв лицо руками, Ольга не смогла больше говорить.

Игорь приоткрыл окно, намереваясь закурить, но передумал. Он расстегнул куртку, а потом, точно не за себя, а будто озвучивая кого-то, сказал:

— Да что ж они его от аллергии лечили, сволочи эти? Чему их там учат, ты мне скажи? Ребенок чуть не умер, а они «аллергия», вот сволочи! Оль, так а как он там сам? За ним смотрят?

— Медсестричка там. Я ей по двести рублей перевожу каждый день и сама мотаюсь, когда получается.

— А может, тебя свозить?

Ольга подумала и сказала:

— Ну потом, может, как-нибудь. Хорошо бы, Игорь. А то туда-обратно — две тысячи выходит, а если на автобусе, то полдня на дорогу. А ты посменно? Там же? В арматурном?

— Да. Могу отпроситься. Когда нужно. Ты скажи, когда нужно, и летаем. Вот врач, гады... — Игорь хотел рассказать, что Славка задумал поступать в медицинский и что обучение стоит страшных денег, но вовремя сообразил, что это неуместно.

— Оль, так что? Денег нужно? В Москву его или куда?

Вытащив платок из ободранной сумочки, Ольга некрасиво высморкалась, собрала с лица слезы и объяснила, что деньги, конечно, нужны, но самое главное — это костный мозг. Донором может быть кто угодно, но главное, чтобы материал подошел. У родственников почти всегда подходит.

— А ты сама чего? — спросил Игорь. Спрашивать об этом было сложно. Будто он сразу отказывается. Будто прогоняет.

Тогда, восемнадцать лет назад, они хорошо поговорили, «по-доброму». Оба были согласны, что жить им вместе не нужно, и Ольга, очень искренне, без всякой потаенной обиды, уверяла, что сама вырастит ребенка. Алиментов не требовала и только фамилию просила вписать Игореву — Листьев. У нее фамилия грубо звучащая — Слукина, совсем не годится. А вот Василий Листьев — это хорошо. И отчество в свидетельстве она вписала: Игоревич — тоже с согласия Игоря, которое, конечно, не требовалось, но ей зачем-то оно было необходимо. Ольга даже сказала тогда: «Я тебя ни о чем никогда не попрошу». Была осень. Они укрылись в школьном парке под кленом, сидя на холодной лавочке. Игорю было двадцать пять, а Ольге двадцать. С самого начала она не очень Игорю нравилась. Милая, конечно, легкая, но какая-то слишком устремленная в будущее. С первых дней стала говорить о том, как будут жить, когда поженятся, родителям все зачем-то разболтала. Видимо, ей очень хотелось семью. Она уже тогда работала и дома, родителям и старшему, женатому брату, была как бы лишней. А когда все случилось и когда они поговорили тогда под кленом, Ольга сказала Игорю:

— Все понятно. Ничего страшного. Лучше так, чем потом разводиться. Только одна у меня просьба. Я тебя больше ни о чем не попрошу. — И попросила насчет отчества и фамилии. Есть такая проблема в поселке: плохо, когда ребенок по документам как бы безотцовщина.

Теперь, слушая Ольгу, ненавидя врачей, а на самом деле, конечно, себя, Игорь думал: «Как это вышло, что в крошечном поселке мы ни разу не поговорили?» Так просто это на деле оказалось. И люди, наверное, за спинами обсуждали их такое вот нелепое положение; и Ирина, жена, наверное, думает об этом частенько, но не укоряет. Мирится.

— Я не могу быть донором. Мне летом облучение делали. Рак. Обошлось все. Думала: ушла беда, а оно вон как... — сказала Ольга, сбрасывая звонок внезапно завизжавшего телефона.

— Так и что этот костный мозг? Как его берут?

Игорь хотел еще спросить: «Больно ли это?», но застеснялся. Ольга заметно успокоилась и очень внятно, используя медицинские термины, рассказала о процедуре получения донорского материала. С ее слов, это были сущие пустяки, а главное, чтобы материал подошел, потому что если не подойдет, то искать придется по чужим людям. Ольга так и сказала: «по чужим людям».

Собираясь в больницу на осмотр, Игорь старался разговорить Ирину, но она, постоянно расстроенная в последнее время, чистила картошку и лишь в случаях крайней необходимости подавала голос.

- Так, может, с тобой нужно поехать?
- Куда? — спросил Игорь и осекся.
- К свекрови. Ты ж к свекрови едешь.
- Да нет. Не нужно. Я туда и обратно. Картошку на посадку вытягаю из погреба и все.
- Морозы будут.
- Говорят, не будут уже.
- Кровинушка твоя опять двойку принес.
- По алгебре?
- Нет. По биологии. Про генетику контрольную заporол.
- Я поговорю, — сказал Игорь, зачем-то присел рядом с женой, ободрал мозоль на ладони и наконец-то уехал, а Ирина бросила нож в кастрюлю с очищенной картошкой и заплакала. Никто этого не видел.

Игорь узнал сына сразу, потому что он очень напоминал Игореву отца. Деда, которого Вася никогда не видел. Опирается плечом о стену, нога чуть отставлена, а рука на бедре, как у девушки. Старик так же стоял у забора вечерами, курил и думал о чем-то, что никогда не интересовало Игоря, пока он сам был мальчиком. Теперь ему было бы интересно узнать, какую мысль разрешал старик, но тот подвел — умер много лет назад, и теперь не спросишь.

Вася выглядел младше своих лет. Бледный, тощий, неприятный даже. Лоснящиеся волосы укрывают горящий от прыщей лоб. Видимо, под челкой он прятался от неуютного мира. Пальцы на руках длинные, как птичьи когти. Рубашка точно досталась по наследству от взрослого мужика. Молодежь такие не носит. Такие же джинсы и туфли. «Пацанву подобную во все времена в общежитиях обижают», — подумал Игорь, отыскивая глазами Ольгу. Она говорила с полноватым врачом. Тот вертел в руках незажженную сигарету.

Игорь подумал, что его Славка никогда бы не стал дружить с таким, как Вася. От этой мысли говорить с Васей было еще совестнее. Но бежать уже некуда. Добегался. Конечно, они могли сдать кровь на анализ и отдельно, но Ольга, видимо, специально устроила так, чтобы все в один день.

— Привет, Вася, — сказал Игорь, протягивая руку.

Вася, как показалось Игорю, кокетливо спрятал свой телефон в передний карман джинсов и пожал руку. Рукопожатие было мокрым, но холодным. Вокруг ногтей длинные, как на необработанном полене, заусенцы. И запах будто не детский, а стариковский.

— Здравствуйте, — ответил Вася непроницаемым, нейтральным голосом.

«Он, что, не знает ничего?!» — подумал Игорь, оглядываясь на Ольгу. А потом, если только можно подумать тихо, то именно тихо он подумал: «Как хорошо, что я не стал с Ольгой жить».

Чтобы прогнать эту кажущуюся позорной мысль, Игорь стал придумывать, что бы такое сказать. Слова сразу разбежались, как тараканы от загоревшейся лампочки.

Лицо Васи было сонным, он будто таял, рассматривая обувь. Вдруг ребенок кивнул и схватился за нос.

— Что такое? — спросил Игорь.

— Да ничего, — сказал Вася. — Кровь опять пошла.

Он запрокинул голову и смотрел теперь на Игоря сверху, утопив глаза в нижних веках. Кровь не вместились в ладонку, потекла к рукавам. Вася был спокоен. Игоря поразило это спокойствие; на миг он даже гордость ощутил за хладнокровность сына.

Через неделю выяснилось, что костный мозг Игоря не подойдет. Теперь нужно было искать другого донора, и Игорь сам предложил:

- Так давайте у Славки моего возьмем.
- Да разве можно? Кто он ему? — удивилась Ольга.
- Брат.
- Что ты, Игорь?! Или твоя семья все знает?

Игорь понимал, что все придется рассказать Ирине. Она в последнее время нервничает. Требуется вещи в стирку каждую неделю и часто в ванной разговаривает с матерью по телефону. Но самое главное, это поговорить теперь со Славкой. Он своенравный, может и взбрыкнуть.

Дождавшись Славку из школы, Игорь предложил ему разогретый в кастрюле борщ. Сын отказался. Игорь ждал подходящей минуты и поэтому задавал нелепые вопросы:

- Матери звонил сегодня?
- Да.
- И что она?
- Ничего. К бабушке поехала.
- Да знаю. Что спрашивала?
- Ты дома или шляешься где-то?
- Я не шляюсь, — сказал Игорь.
- Так я так и сказал.

Игорь решил действовать без промедления. Скоро Ирина должна вернуться. Нужно успеть. Заварив чаю, он собрался начать, но Славки его опередил:

- Пап, дело есть. Мужское. У меня девочка появилась. Ее Оля зовут. И вот. Помнишь, я тогда вечером ушел, когда кровяную колбасу мать жарила, и...
- Ну и что? Денег на подарок нужно?
- Нет. Не на подарок. На аборт. Пап, только ты маме не говори, ладно? Я тебя никогда ни о чем не попрошу, только не говори.

Игорь, пообещав помочь (был знакомый доктор), отложил разговор с сыном до следующего дня. Утром он уехал на работу, а вечером, когда вернулся, Славика не застал. Сын пришел к полуночи и лишь вопросительно кивнул отцу. Игорь в ответ кивнул утвердительно. Этот вечер, когда Славик заметно успокоился, можно было использовать для разговора, но Игорь поругался с Ириной из-за пустяка и в такой обстановке шептаться с сыном не мог.

На следующий день он вновь пробыл на работе весь день, а вечером, сидя в одиночестве перед телевизором, позвонил Ольге и услышал ее удивленный голос:

- Да, Игорь. Здравствуй.
- По интонации Ольги Игорь сразу определил, что она взволнованна. Какая-то радость у нее. Эта радость настораживала как дурное предсказание.
- Ну как там Вася?
- Все хорошо. Держится.
- Я переговорю со Славиком. Подожди немного. Все никак не уловлю момент.
- Да не надо уже. Мы нашли донора. Врачи говорят, что подойдет.

В растерянности Игорь попрощался и больше никогда Ольге не звонил. И она его не беспокоила, потому что давно обещала ни о чем его не просить, а любые обещания если и нарушаются, то только один раз.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ

На втором курсе не приготившегося мне платного экономического образования меня выгнали из общежития за попытку сорвать выборы. Однако оставим эту формулировку на случай, если представится возможность и я уйду в революционеры. Для этого рассказа уточним. Коменда Кометская — высокая, мускулистая, с узким тазом тетка разбудила меня в долгожданный выходной и потребовала, чтобы я (желательно до обеда) отдал голос кандидату в президенты. Сказала, что явку проверят, и назвала какие-то грозные в той жизни фамилии. Не вставая с кровати, я заявил, что раз ее будут проверять, то пусть сама идет и раздаёт свои голоса направо и налево. Естественно, я осознавал, что Кометская пришла за моим голосом, а не за благословением на личное пассивное участие в выборах. Я тянул время. До слез хотелось еще немножко поспать. Она, конечно, не жалея слов, уточнила, что проверять будут меня. Мою политическую активность.

— Тебя в списки внесут, бестолочь.

«Бестолочь» — так она меня называла. Я не обижался, и мы оба это знали. Да на обиды не было времени. Нужно было радикально отбиваться.

— Я проверок не боюсь, если надо — оголюсь, — сказал я и сдернул одеяло, которое маме бабушка дала в приданое, продемонстрировав бальзаковской комендантше шикарные сине-бело-красные трусы.

Она возмущенно вскрикнула и убежала. На выборы я так и не пошел. Убирался в комнате, жарил картошку с луком и писал стихи, подражая Бодлеру.

Спустя неделю Кометская выперла меня из общежития за невинный проступок. Через окно туалета, под которым кирпичная кладка стерлась от встреч с миллионом ботинок, я лез в общежитие спать после полуночи, а она тут как тут. Все подобным образом после комендантского часа возвращались домой. Можно было, конечно, подкупить вахтершу шоколадкой или большой пачкой семечек, но почему-то я не пожелал этого сделать в ту ночь. Молодость к опасности не чутка, как зрелость холодна к авантюрам.

— Я трезвый, — предупредил я Кометскую и ее стукача-свидетеля, громадного и неуклюжего Дениску. И еще я прикрыл окно, чтобы Витька Луноход не вывалился.

— Точно? — огорчилась Коменда.

Мы весь вечер записывали песню на мои стихи у Никиты по кличке Люспа. Денег на пиво не было, вот мы и «писались» на трезвую.

У меня было птичье настроение. В город с вещами явилась весна. Я добирался в общежитие через парк, ощущая, какой я здоровый, какой бесстрашный и какой умный, что не умер до сих пор. В двадцать лет этому радоваться не все умеют. А я вот умел и в тот вечер радовался, особенно когда съел красно-белый хот-дог из антисанитарного ночного ларька, в каких кормится весь многонациональный народ — носитель суверенитета и единственный источник власти.

— Завтра напишите объяснительную и до обеда чтобы ко мне в кабинет. Будем разбираться. А сейчас можете идти.

Хотелось как-то отбиться, раз она перешла на «вы», поэтому я сказал, что хочу в туалет. Пусть уходит она и на всякий случай пусть заберет своего Дениску, а то он какой-то подозрительно сладострастный.

Кометскую моя оборона позабавила. Она, подстраиваясь под меня, пошутила, а потом, вспомнив о своей карательной обязанности, добавила:

— У меня уже лежит на тебя докладная.

— Ее бы сюда, — опять нашелся я.

И этот ход ей понравился. Она что-то еще сказала и покинула туалет вместе со своим стукачом-свидетелем, пожелав мне спокойной ночи. Я покурил в окошко и отправился спать, в надежде, что утром разберусь во всем и стану жить, как прежде.

В конце месяца я съехал к Никите Люспе, заполучив комнату с матрасом. Отдал все, что выделили мои неразумные, так и не сориентировавшиеся в правилах свободного рынка инвесторы из деревни, где до сих пор нет Интернета и не утихают летом соловьи.

А выборы, кстати, без меня состоялись. Президента выбрал народ — все нормально. Избранник потом комендантский час в общежитиях отменил, но кто ж знал...

Ради денег я решил устроиться в единственный в Белгороде книжный магазин — «Читай-сити». Вытерпев идиотское собеседование по телефону, я отправился на встречу с директором этой канцелярки с выкладкой «бестселлеров», рассчитанной на пыльных москвичек и их внучек, таких же пыльных.

Директор, приземистая женщина, почему-то в куртке, несмотря на жару, мне не обрадовалась. Посмотрела, как смотрят все женщины: сначала на живот, потом на кеды со звездами, а напоследок в глаза, и отвернула монитор от моих любопытных глаз.

— Ты же студент. У тебя занятия. Ты же «очно»?

— Это мои проблемы. «Два через два» мне подойдет.

— Тебе же придется учить каталоги. Мне же нужен человек, который свободно ориентируется. Ты вот в детской литературе ориентируешься?

— Научусь. Чего там...

— У нас же зарплата маленькая и форма... — В общем, все у нее было через «же».

Поняв, что меня отшивают, я для одного только успокоения совести сказал:

— У вас продавцы все вареные. Разговаривать не умеют. И книжки вы не заказываете, которые интересуют читателя. Вон атласов бессмысленных наложили, а новинок нет. Я бы мог дать рекомендации.

Услышав это, директор сняла очки, подбоченилась и снисходительно улыбнулась. Тут я понял, во-первых, что работы мне не видать, а во-вторых, что она очень гордится своей должностью.

— И каких это новинок у нас нет?

Заготовок я не имел, поэтому скорее наугад и совершенно уже безнадежным голосом сказал:

— Лимонова у вас нет! Новая книга еще зимой вышла, а вы все никак не закажете.

— Кто это?

— Русский классик! Он революцию чуть не сделал в прошлом году на Болотной!

Она вернула очки на нос, и я почувствовал, что исчезаю, как заколдованный.

— Здесь, в Белгороде, он последний раз виделся с матерью. С мамой своей старенькой. Его в Харьков не пустили, и старушку привезли сюда. Они гуляли по Соборной площади. Бывшая площадь Революции, между прочим. Мама умерла потом почти сразу.

— Мы вам позвоним, — сказала директор, но я и так уже сам уходил, мечтая, что однажды буду обладать монополией на продажу книжек.

К началу лета я устроился официантом в богатый ресторан. Там я впервые попробовал виски и кровавый стейк — то еще удовольствие.

И вот жизнь моя сократилась на целых шесть лет, и мне их не жалко.

25 марта 2020 года у сына моих друзей был день рождения — шестнадцать лет. Он уже бредет и скрывает страничку в социальных сетях. Спрашивал у меня: правда ли, что я знаком с Никитой Люспой? Откуда-то знает этого музыканта. Родители выдали новорожденному денег на лимонад и мороженое и попросили вернуться к десяти, а сами затосковали, постарев, как бабочки на закате.

— Приезжай — поужинаем. Поорем под гитару. Только давай скорее, а то завтра рано вставать.

По пути, прикупив виски, я зашел в «Читай-сити» за «лучшим подарком». Что-то нужно было взять подростку, чьи родители не читают, а значит, и он рискует прожить вхолостую.

Задумавшись, я стоял возле какой-то цветастой драпи, то ли про «кровового Сталина», то ли про «изживание травмы».

— Подсказать что-то?

Я посмотрел на серые усики консультанта, на ее слезящиеся глаза, на шею в алую крапинку и подумал, что она наверняка отлично разбирается в каталогах детской литературы и вообще с ней не бывает проблем.

— Подсказать? — повторила она.

— «Мартин Иден» в твердой обложке есть? — выпалил я, возбужденный внезапной радостью определившегося потребителя.

— Сейчас посмотрю, — она ушла к клавиатуре, а я потянулся следом.

— Как книга называется?

— «Мартин Иден»

Она ухмыльнулась — ее веселят идиоты, не понимающие с первого раза вопрос.

— Я поняла. Книга как называется?

— Так это и есть название.

— Так. Я поняла. А кто автор?

— Лондон, — ответил я, понимая, что невольно участвую в какой-то бессовестной травле, как Сталин, наношу травму, которую запросто не изживешь.

— Да это не важно. Как автора зовут? Наш?

— Ой, да я не помню. Давайте я сам гляну, ладно?

Я ушел от нее без высокомерных мыслей. Ни в чем она не виновата. Вот я недавно только узнал, что есть такой автор — Фаддей Зеленский. Он писал, что после итальянского и германского возрождения грядет третье — славянское.

Отыскав «Мартина Идена», я явился на кассу. Хорошо читать «Мартина Идена» в шестнадцать лет! Он учит терпению и здоровому пренебрежению к людям без мечты в сердце.

— Сердце?

— Что?

— Вы держитесь за сердце — хватает?

— А, да это защемление нервов. Не обращайтесь внимания, — ответил я, придерживая ворот косухи.

— Пакет нужен?

— Нет.

— Ваш чек. Ваша книга. Приходите еще.

— Пока-пока, — сказал я и ушел, покашливая.

Выйдя на улицу, я почувствовал, как согрелся от теплого ветра мой череп. За военкомат садилось солнце. Нервно вздрагивал хвост автомобильной пробки, растянувшейся от ЖД-вокзала на север.

Приняв в сторону, к наземной старухе с фасолью, я вынул из-за пазухи сборник Лимоновских рассказов. Теперь-то, спустя сорок дней после смерти, он у них появился, но я вовремя его вызволил. Причем не украл, а экспроприировал — автору бы понравилась формулировка.

— Пацану «Мартин Иден», а мне Лимонов на память, — шептал я, когда от волнения у меня навернулись слезы и улица утратила свои очертания.